

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 678-688
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.678

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kabardian Society in the 19th – early 20th centuries: Challenges of Adapting to Urbanized Space

Osman A. Zhansitov ^a, Yulia V. Bunkova ^{a, *}

^a Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), Russian Federation

^b Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The article explores the processes of urbanization in Kabarda within the context of Russian military colonization and the incorporation of the region into the imperial administrative, legal, and cultural space. Particular attention is paid to the challenges faced by the indigenous population in adapting to the urbanizing environment of the Russian fortress/settlement of Nalchik.

The study examines competing scenarios for the integration of the Kabardians through their involvement in urban culture – ranging from the formation of ethnic Highlander quarters within the Russian urban environment to the establishment of a fully-fledged “Kabardian” town in the vicinity of the Nalchik fortress. It is emphasized that under wartime conditions and the strategic imperative of colonizing a new imperial frontier, the Russian authorities prioritized the development of Nalchik as a distinctly Russian ethnic location. As a result, the Kabardians’ interaction with Nalchik—which had become the administrative center of Kabarda – was limited and regulated by military command, and therefore remained minimal. Representatives of the loyal Highland elite visited the settlement only briefly for official duties, and annual People's Assemblies were held there.

After the transformation of the Nalchik fortress into a settlement in 1862, the Russian authorities supported its development as an economic, cultural, and educational center for the indigenous population. Nevertheless, this did not lead to the formation of a permanent Kabardian community in Nalchik. The article identifies the key factors that hindered this process. It is noted that ethnocultural differences between the Russian population and the Highlanders, along with the collective memory of a traumatic past, made harmonious coexistence within the settlement problematic at this stage. The Kabardians’ rural settlement patterns and agrarian economic practices acted as additional barriers to their adaptation in an unfamiliar urban environment.

Keywords: Nalchik fortress, Russian settlement, Kabardians, urbanization, ethno-cultural transformations, urban environment.

1. Введение

Эволюционировавший из крепости, заложенной в колонизируемом пространстве Северного Кавказа, русский город постепенно становился объектом притяжения и фактором этнокультурной трансформации коренного населения региона. С одной стороны, этот процесс являлся следствием усилий российских властей, которые, развивая города как административные центры горских народов, способствовали их интеграции в цивилизационное поле империи. С другой стороны, сами

* Corresponding author

E-mail addresses: y.bunkova@inbox.ru (Yu.V. Bunkova)

горцы со временем стали связывать с урбанизированной средой перспективы модернизации общественной, экономической и культурной сфер жизни.

Для выстраивания полноценной картины процесса урбанизации в Северо-Кавказском регионе, помимо указанных выше аспектов, будет уместным затронуть проблему, связанную со сложностью освоения и адаптации горцев в пространстве города. В этой связи, во-первых, следует рассмотреть ограничительные меры, предпринимаемые российской администрацией в условиях ситуации «фронтара». Не так давно «замыренное» или же всё ещё находящееся в процессе «замырения» горское население, пребывая в пространстве города, могло представлять угрозу безопасности его обитателям. Соответственно, это пребывание строго регламентировалось и дозировалось. Во-вторых, стоит обратить внимание на непохожесть культур, менталитета, бытового уклада, языка, религии горцев и русских колонистов, что в первое время делало их тесное соседство проблематичным. Неслучайно некоторые северокавказские города складывались из чётко очерченных этнических кварталов. И, наконец, в-третьих, посмотреть на проблему глазами самих горцев, которые не могли в одночасье поменять сложившийся за сотни лет хозяйственный уклад и привычный образ жизни «на лоне природы» на урбанизированную и к тому же инокультурную среду. Исследование затронутой проблематики также актуально в контексте формирования гармоничной, толерантной модели сосуществования в пространстве полиэтнического северокавказского города.

2. Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи были задействованы три группы источников. Это, прежде всего, документальные материалы из фондов региональных архивов: Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) (Ф. и-2 - Управление Кабардинского округа, Ф. и-35 - Нальчикское слободское правление, Ф. 23 - Кабардинский временный суд); Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) (Комиссия по собиранию и изучению материалов истории коммунистической партии...); Управление Центрального государственного архива Республики Северная Осетия - Алания (Владикавказ, Российская Федерация) (Ф. 11 - Терское областное правление). Служебная переписка между различными ведомствами кавказской администрации, затрагивающая вопросы регламентации порядка пребывания «туземного» населения в урбанизированном пространстве региона, представлена также в изданных тематических собраниях документов ([Административно-территориальные..., 2000](#); [Из документальной истории..., 2000](#); [Пятигорск, 1985](#); [Территория..., 1992](#)).

Большой информативностью относительно затронутой проблематики отличается периодическая печать. Авторы популярных местных изданий того времени - газет «Терское эхо», «Казбек», «Терские ведомости» и др. - в своих корреспонденциях описали быт и нравы горожан, примечательные события в жизни Нальчикской слободы, а также составили этнографические зарисовки, отразившие специфику контактов горцев с городской средой.

Не менее ценным источником выступают свидетельства современников рассматриваемой эпохи, зафиксированные в очерках, письмах и краеведческих исследованиях ([Далгат, 1991](#); [Коста, 2009](#); [Охрименко, 1989](#); [Прозрителев, 2011](#)) и позволяющие прочувствовать повседневность и атмосферу урбанизированной среды. Заслуживающим внимания представляется и тот факт, что эти свидетельства дают возможность увидеть осваивающее город коренное население глазами русского обывателя. Его взгляд на «экзотическую» кавказскую действительность, с некоторым оттенком ориентализма, как нельзя лучше подчёркивает специфику этнокультурного взаимодействия в пространстве северокавказского города.

Проблемы адаптации кабардинцев в этнокультурном пространстве русского города целесообразно исследовать с привлечением инструментария «Новой локальной истории». Одним из важных элементов этого концепта выступает изучение процессов изменения форм, структур и функций конкретного локального пространства ([Маловичко, Булыгина, 2003: 6-22](#)). Такие процессы, в частности, характеризуют эволюцию Нальчикской крепости. Её воздействие на окружающий этнокультурный субстрат будет уместным рассматривать сквозь призму ситуационного подхода, особенностью которого является категория «ситуации» и такая её характеристика как личностная составляющая (детерминированность сознанием) ([Плотников, 2017: 81-92](#)). «Ситуацией» для горца становится складывающаяся в его «девственном» сельском ландшафте урбанизированная среда. Новая реальность «пропускается» им через собственное сознание и формирует опыт выстраивания различных моделей взаимодействия с последней.

3. Обсуждение

Вопросы взаимодействия традиционного мира северокавказских народов с урбанизированным пространством русского города получили отражение в отечественной историографии. З.В. Канукова и Э.Ш. Гутиева, исследовавшие жизнь городов Терской области пореформенного периода, сфокусировали внимание на трансформации традиционной материальной и духовной культуры коренного населения в процессе освоения урбанизированной среды. Утрата отдельных черт этой

культуры в то же время компенсировалась её встраиванием в общероссийский (европейский) контекст. Это способствовало активации инновационного потенциала традиционной культуры, её сохранению и популяризации посредством предлагаемых городской средой механизмов: национальные театры и учебные заведения, книгоиздательство на родном языке и т. д. (Канукова, Гутиева, 2013).

Исследованию города как ключевого фактора процессов модернизации северокавказского социума посвящена работа Ю.Ю. Клычников и С.С. Лазаряна, которые рассматривают освоение Российской империей Северного Кавказа как глобальный модернизационный проект, призванный обеспечить полноценную интеграцию региона с формированием здесь общероссийских социально-политических, экономических и культурных институтов. По мнению авторов, наиболее эффективным средством этой интеграции являлась урбанизация как базовый элемент становления модерности (Клычников, Лазарян, 2014: 21-33).

В монографии Б.В. Туаевой отражены модернизационные преобразования общественной и культурной жизни населения региона в контексте изучения формирующихся в урбанизированном пространстве городских сословий и цеховых объединений (Туаева, 2013).

Этнокультурные трансформации непосредственно в кабардинском социуме, связанные с влиянием города, рассмотрены Д.Н. Прасоловым, выявившим каналы взаимодействия с городской средой и механизмы восприятия социокультурных инноваций коренным населением Нальчикского округа (Прасолов, 2014: 34-46), и Р.Н. Дзаговым, проанализировавшим роль слободы Нальчик в налаживании межэтнических коммуникаций на фоне развития торгово-хозяйственных отношений (Дзагов, 2014: 81-92).

4. Результаты

Формирование урбанистической среды и проекты интеграции кабардинцев

Одной из важных функциональных характеристик города является его статус административного, экономического и культурного центра. В этой связи можно сказать, что процесс урбанизации для кабардинцев начался ещё задолго до появления на их этнической территории города, поскольку функции такого центра выполняла русская крепость.

Проекты интеграции кабардинцев путём приобщения их к городу предлагались военным командованием ещё до окончательного покорения Кабарды. Генерал П. Цицианов в 1804 г. высказал идею об открытии в близлежащих к ней городах (Екатеринограде и Георгиевске) школ для отпрысков местной аристократии, а также строительстве мечетей и налаживании беспопытной торговли с горцами (Из документальной истории..., 2000: 116).

В 1808 г. генерал И. Дельпоццо пошёл ещё дальше и предложил организовать кабардинцев вокруг административного центра, непосредственно в самой Кабарде, приставом которой он был назначен. Таким центром могла стать крепость на реке Чегем. Здесь планировалось поместить канцелярию самого И. Дельпоццо, учредить Главный Кабардинский суд в составе председателя – российского военного начальника и назначенных им представителей горских высших сословий. Особое внимание отводилось форштадту при крепости, который могли бы населять по своему желанию кабардинцы и где бы устраивалась еженедельная ярмарка (Русские авторы..., 2001: 31).

Вполне прагматичный замысел И. Дельпоццо, однако, наталкивался на определённые препятствия, а именно: нежелание кабардинцев обустраиваться под непосредственным контролем российской администрации, опасаясь посягательства со стороны последней на трансформацию их социокультурной сферы. В одном из донесений вышестоящему начальству генерал сетовал, что кабардинские князья, «коим Россия старалась дать все средства, что бы они могли пользоваться и сносить лучшую жизнь», не ценят прилагаемых усилий, и приводил в пример князя А. Хамурзина, который имел чин в царской армии, «служил в войне против турок, пожалован бриллиантовой медалью и был послан жить в Екатеринослав», но в итоге «оставил все русское и принял свои кабардинские обычаи», поскольку «русский образ жизни имеет перед их глазами противное» (Русские авторы..., 2001: 17).

В 1816 г. командующим русской армией на Кавказе был назначен генерал А.П. Ермолов. Он предпринял энергичные усилия по «замирению» региона, закладывая крепости в глубине горских территорий (Дадаев, 2017: 125). В 1818 г. было возведено Нальчикское укрепление с форштадтом, которое одновременно стало административным центром Кавказской линии и Кабарды, что знаменовало окончательную утрату остатков её суверенитета. Пытаясь прочно привязать кабардинцев к этому центру, Ермолов открыл здесь работу Временного Кабардинского суда. Его составляли двенадцать членов (четыре от княжеского сословия, трое от дворян, двое от «простого народа», один эфенди, секретарь и русский чиновник). Суд занимался разбором дел горцев, за исключением уголовных, которые были подведомственны военным властям (Административно-территориальные..., 2000: 15). Непосредственное управление Кабардой находилось в руках начальника Центра Кавказской линии. В 1826 г. Ермолов постановил проводить народные собрания кабардинцев (Хасэ) непосредственно под стенами Нальчикской крепости (УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 24).

Важным шагом на пути интеграции кабардинцев в российское культурное пространство стало открытие в крепости Нальчик светской аманатской школы для детей местных князей и дворян. Их обучение и, соответственно, нахождение в Нальчике, преследовало ещё одну цель, а именно обеспечивало лояльность влиятельных родителей.

Можно сказать, что в первое время освоение Нальчика представителями кабардинского социума носило «принудительный» характер. Сама крепость постепенно начинает приобретать урбанистические черты. Здесь строятся административные и жилые здания, возводится церковь.

Однако канцелярия Ермолова и последующие военные начальники, в отличие от Дельпоццо, допускавшего для горцев возможность поселяться в пространстве крепости, не предполагали стационарного и сколько-нибудь масштабного освоения Нальчика коренным населением. Нальчик воспринимался ими скорее как центр контроля и управления новыми российскими подданными, и, к тому же, его фортификационная инфраструктура служила защитой гарнизона и административных служащих (Тхамокова, 2000: 75). Кабардинцы – члены Временного суда, проживали здесь лишь во время его заседаний, имея при этом постоянное место жительства в своих аулах. В схожем положении «гостей» Нальчика оказывались и учащиеся аманатской школы, которые по замыслу властей после окончания обучения должны были поменять «свои первоначальные представления и, постепенно отказываясь от своей неприязни к русским», возвратиться «к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам» (Пеннер и др., 1993: 15).

Не получил в этой связи поддержку властей и подготовленный в 1829 г. проект полковника русской армии, выходца из кабардинской аристократии Ф.А. Бековича-Черакского, предусматривающий строительство на базе Нальчикского укрепления города, населяемого его соплеменниками (Айларова, 2000: 104). При этом город должен был поразить их своей роскошью и благами цивилизации, а государственная поддержка (субсидии и временное освобождение от податей) – помочь обустроиться и освоить «городские» профессии. Проект также предполагал строительство здесь мечети и учреждение духовного суда, разбирающего дела на основе шариатского права. Эти меры, по мнению Бековича-Черакского, способствовали бы скорейшему преображению кабардинцев с их «буйным нравом» в благонадежных подданных русского самодержца.

Российская власть выбирает модель развития Нальчика как русской административной, военной и этнической локации на территории Кабарды. То есть здесь, в пространстве Нальчикского укрепления, помимо сосредоточения собственно военного гарнизона и органов управления, должен был начаться процесс гражданского «мирного» освоения (колонизации) новой имперской окраины. Данная модель на Северном Кавказе была апробирована ещё в правление Екатерины Великой, о чём писал Г. Прозрителев. Он, в частности, отмечал, что, несмотря на военные успехи в покорении региона, прочно закрепиться на занятых территориях можно было только путём «водворения» здесь мирного населения, хозяйственное обустройство которого обеспечивало бы продовольствие войск» (Прозрителев, 2011: 399).

Первыми «мирными» поселенцами Нальчика стали действовавшие и вышедшие на пенсию офицеры и солдаты крепостного гарнизона. В 1837 г. правительство основало при крепости военное поселение, для хозяйственных нужд которого были отторгнуты земли близлежащих кабардинских аулов. Новые поселенцы снабжались сельхоз инвентарем, строительными материалами и после обустройства получили возможность переселить на Кавказ свои семьи.

Впоследствии процесс освоения Нальчика ускорился и сопровождался переселением из центральных губерний России подданных различной этнической и конфессиональной принадлежности. К началу 1860-х гг. здесь уже сложились этнические кварталы колонистов, самым многочисленным из которых был русский: Еврейская колония, Александровское поселение (составленное из переселённых в 1858 г. из-под Саратова немцев), «Мужичий хутор» Астраханка и др.

Условий же для образования стационарного кабардинского анклава в Нальчике, как было отмечено выше, не сложилось. Более того, порядок нахождения квартировавших здесь в качестве членов Временного суда князей и дворян был строго регламентирован. К примеру, после указа командующего Центром Кавказской линии В.С. Голицына (декабрь 1845 г.) им запрещалось под любым предлогом оставлять у себя на ночь «посторонних кабардинцев» (Бейтуганов, 2007: 496). В качестве исключения дозволялось держать на своих квартирах прислугу, но без оружия. То есть, по сути, административное давление делало невозможным функционирование в пространстве Нальчика одного из ключевых общественных институтов кабардинцев – гостеприимства, нормы которого с особым рвением исполнялись именно в аристократической среде.

Конечно, подобные распоряжения ограничивали возможности освоения Нальчика коренным населением. Особенно проблематичным это представлялось для жителей дальних аулов, являвшихся сюда по служебным или иным бюрократическим вопросам, которые, не рассчитывая на ночлег и отдых, вынуждены были отправляться в долгий обратный путь.

Приобретавшая остроту на фоне интенсифицировавшихся контактов кабардинцев с Нальчиком, эта очевидная логистическая проблема была отчасти сглажена благодаря основанному (1825 г.) в его предместьях Вольному аулу. Это поселение составили бежавшие от своих владельцев кабардинские крестьяне, которые нашли защиту под стенами Нальчикского укрепления. Со временем

аул разросся, военное начальство построило здесь мечеть и передало в собственность его жителям изъятый у непокорных князей и дворян скот. Расположившийся в «шаговой доступности» от Нальчика Вольный аул стал для кабардинцев своего рода перевалочным пунктом при взаимодействии с административным центром (Жанситов, 2016: 40). В рапорте полковника Петрусевича командующему войсками на Кавказской линии (28 августа 1846 г.) отчётливо подчёркивается коммуникативная функция этого аула, который «весьма нужен для всех кабардинцев, приезжающих в Нальчик или по делам службы, или по своим надобностям, которым он служил всегдашним пристанищем для квартирования» (Территория..., 1992: 63).

Таким образом, наличие Вольного аула по соседству с Нальчиком снимало для его обывателей – русских колонистов – проблему необходимости тесного и перманентного соприкосновения с ментально и культурно непохожим и, в недалеком прошлом, враждебным коренным населением. Неслучайно генерал Голицын запрещал служащим в Нальчике кабардинцам оставлять у себя на ночевку гостей-соплеменников, а также не позволял их прислуге иметь при себе оружие.

Исходя из подобных соображений, российская военная администрация регламентировала контакты кабардинцев не только с Нальчиком, но и с граничащим с их этнической территорией урбанизированным пространством. Это касалось в первую очередь курортных городков Кисловодска, Железноводска и Пятигорска, которые благодаря своим минеральным источникам пользовались популярностью не только у местного населения, но и стали привлекать жителей из центральных губерний России. Последние, будучи непривычными к кавказским реалиям, с большой настороженностью посещали эти места, соседствующие с «воинственными горами».

Данное обстоятельство вынудило местную администрацию запретить кабардинцам и другим горцам посещать целебные воды в период сезонного наплыва русских курортников. Однако, видя потребность коренного населения в минеральных источниках, городские власти в июле 1827 г. предложили военному начальству обустроить для «туземцев» в этих целях отдельные площадки (Пятигорск, 1985: 89, 90), то есть организовать в пространстве города этнически сегрегированные зоны.

Заботясь о комфорте и безопасности жителей и гостей курортных городков, российская администрация выпустила ещё ряд распоряжений ограничительного характера. В августе 1858 г. управление Кисловодской кордонной линии предписало кабардинцам, направляющимся на целебные источники, получать разрешительные документы у военного начальства, а также сдавать оружие на кордонных постах (УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 2. Л. 9). Последняя мера оказалась наиболее чувствительной для горцев и противоречащей их традиционной военной культуре, в постулатах которой потеря оружия, а тем более добровольная сдача, серьёзно роняла достоинство его владельца. К тому же наличие оружия в то беспокойное время имело и чисто практический смысл.

Слобода Нальчик как административный, хозяйственный и культурный центр

В 1862 г. Нальчикское укрепление вместе с окружающими его поселениями колонистов преобразуется в слободу. С упразднением в 1871 г. статуса крепости Нальчик из военного ведомства был переведён в гражданское управление. В этих условиях для кабардинцев открываются возможности более активного взаимодействия с Нальчиком, который являлся административным центром образованного в 1860 г. Кабардинского округа (с 1882 г. – Нальчикский округ, объединивший Кабарду и Пять горских (балкарских) обществ) Терской области. Этот процесс, с одной стороны, инициировался российской властью, заинтересованной в ускоренной адаптации коренного населения к имперским гражданским порядкам, с другой – поддерживался кабардинцами, увидевшими в освоении урбанизированного пространства перспективы модернизации социума.

В это время Нальчик, несмотря на статус слободы, имел, особенно на фоне окружающего сельского ландшафта, выраженные урбанистические черты. Здесь уже сформировалась уличная планировка, сооружались двухэтажные кирпичные здания, открывались гостиницы, магазины, трактиры, типография и т. д.

Параллельно в пространстве Нальчикской слободы развивалась и «кабардинская инфраструктура». Расширил свою компетенцию организованный на базе Временного суда Горский словесный суд. Публицистика тех лет отмечает популярность этого учреждения у «туземцев». Описывая Нальчик, М. Ковалевский заключал, что «для юридического быта окружающего местного населения эта слобода имеет особое значение, как местопребывания горского словесного суда. Немалый процент шатающихся по улицам и площади горцев является сюда по тяжёлым делам и проживает здесь по неделям» (Пеннер и др., 1993: 30).

Учащающиеся контакты кабардинцев с Нальчиком также были связаны с развитием системы образования (Гаунова, 2023: 110). В 1858 г., по инициативе кабардинских общественных деятелей, здесь была открыта Горская школа (Кумыков, 2002: 350), преобразованная в 1909 г. в Реальное училище, для которого позднее было построено отдельное капитальное здание, приспособленное также для проведения ежегодных Народных съездов. Это учебное заведение по перечню предметов, качеству предоставляемых услуг и количеству слушателей заметно превосходило прежнюю Аманатскую школу. С 1886 г. в Нальчике устраивались длившиеся в течение трёх месяцев курсы для подготовки сельских учителей (Пеннер и др., 1993: 23).

Ещё одной «кабардинской локацией» в Нальчике стала поликлиника со стационарным отделением, где вели приём командированные из центральных губерний России терапевты. Местное население оценило действенность современной медицины и регулярно посещало слободу, чтобы поправить здоровье ([Терские ведомости, 1886: 3](#)).

Важно отметить, что население Кабарды напрямую участвовало в обустройстве упомянутых выше учреждений, средства на организацию и развитие которых направлялись из «Кабардинской общественной суммы» – своего рода народной кассы.

Заметно возрастает притягательность Нальчикской слободы как торгового и культурного центра. Здесь устраиваются большие еженедельные базары, проходят гастролы театральные трупп, проводят концерты эстрадные коллективы и т. д. Часто кабардинцы совмещали деловые поездки в слободу с посещением всевозможных лавок и магазинов. Известный кавказовед, общественный и политический деятель Б.К. Далгат, будучи проездом в Нальчике, зафиксировал курьёзный случай: прибывшая сюда по судебным тяжбам большая группа кабардинцев, «пользуясь случаем», скупил в местных лавках все галоши, после чего товарищу Далгата не удалось приобрести ни одной пары ([Далгат, 1991: 147](#)).

Проблема стационарного освоения урбанизированного пространства

Взросшее взаимодействие с Нальчиком, однако, существенно не сказалось на темпах роста стационарного освоения кабардинцами пространства слободы. К концу XIX в. они составляли всего 1, 2 % от общей численности населения Нальчика, которое к этому времени достигло 5000 человек ([Прасолов, 2014: 40](#)).

Рассмотрим причины, препятствовавшие закреплению коренного населения в урбанизированной среде, в условиях, когда последняя уже исчерпала свой военный, фортификационный функционал и стала более открытой для горцев.

Во-первых, Нальчик в дореволюционный период, в отличие от некоторых городов Терской области, к примеру, Грозного, не развивался как промышленный центр. Соответственно, он не мог стать для кабардинцев направлением трудовой миграции. Проникновение в горскую деревню «капиталистических отношений», рост обезземеливания крестьян вынуждали последних заниматься отходничеством, то есть покидать родные места в поисках заработка. Нальчик с его небольшими кустарными предприятиями не мог предложить или заинтересовать их ограниченным списком вакансий. К тому же ряд востребованных здесь ремёсел (каменщики, токари, слесари, печники) был не знаком горцам. В этой ситуации высвобождавшиеся из традиционной системы хозяйствования кабардинцы, владевшие ремеслом шорника, оружейника, конюха и т. д. находили применение своим навыкам за пределами Кабарды и даже Терской области. Реализация же себя в относительно развитой для Нальчикской слободы сфере услуг противоречила господствовавшим в социуме традиционным представлениям о допустимых границах приложения труда. Дореволюционный осетинский учёный и общественный деятель Коста в своей работе «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» (1896 г.) писал, что «никому еще не приходилось видеть кабардинца в роли трактирного служителя, полового, мальчика в галантерейной лавке и в подобных с этими ситуациях» ([Коста, 2009: 454](#)).

Во-вторых, в процессе социально-экономического развития Нальчикского округа российские власти не проявляли инициатив по реализации программ целевого освоения коренным населением урбанизированного пространства региона, подобно, допустим, той, что предлагал Бекович-Черкасский. Урбанизация кабардинцев в этой ситуации имела опосредованный характер, то есть проходила не через укоренение в городской среде, но посредством периодического взаимодействия с ней в административных, образовательных и хозяйственных сферах. В логике такой модели, способствующей, с одной стороны, интеграции кабардинцев в имперское правовое, социально-экономическое и культурное поле, а с другой – не предусматривающей необходимости их стационарного закрепления в Нальчикской слободе, следует рассматривать не увенчавшиеся успехом попытки духовенства Нальчикского округа организовать в его административном центре строительство мечети. Последняя, помимо практической пользы как место отправления религиозных обрядов, важна была для кабардинцев как этнокультурный маркер в урбанизированном пространстве. Соответственно, отсутствие мечети создавало определённые препятствия для освоения кабардинцами Нальчика в качестве постоянного места жительства.

В-третьих, поскольку процесс культурно-бытовой гомогенизации русского и горского населения Нальчикского округа находился на начальной стадии, их совместное существование в данном случае в урбанизированном пространстве представлялось проблематичным. Не случайно в этой связи в рапорте Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (20 марта 1884 г.) указывается на обеспокоенность жителей Нальчика по поводу того, что слобода, расположенная в центре Кабарды, находится на большом отдалении от ближайших русских населённых пунктов и окружена исключительно «туземцами», которые ещё до конца не приспособились к мирной гражданской жизни и которых предстоит ещё «более сблизить с русским бытом» ([УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 206](#)).

Родившийся в 1869 г. в Нальчике, собиратель фольклора Е. Баранов в одном из своих очерков описывал трудности в выстраивании гармоничных отношений русских слобожан с кабардинцами, обусловленные памятью о событиях травматичного прошлого (Кавказская война), а также религиозными и культурными различиями (Тютюнина, 2014: 152).

Религиозный фактор, препятствовавший тесному сближению этих этносов в урбанизированном пространстве, наглядно отражён на примере семьи Охрименко, проживавшей в начале двадцатого столетия в Нальчике. Глава семьи, подрабатывавший на частных стройках в кабардинских селениях, подвергался нападкам жены за то, что «снюхался с бусурманами». При этом сам он, заходя во двор своих клиентов, должен был вымыть руки, протереть сапоги, чтобы, «не дай бог, не занести в дом грязи от свиньи» – запретного для мусульман животного (Охрименко, 1989: 6).

Д.Н. Прасолов, комментируя заметку (1893 г.) К. Хетагурова о шокирующих публику «бешенных скачках», устраиваемых молодыми кабардинцами на улицах Нальчика, отмечает, что «подобные способы репрезентации своей идентичности противоречили как слободским, так и традиционным горским правилам приличия, очевидно, создавая у слободчан отталкивающие образы кабардинцев». Это, в свою очередь, препятствовало межэтническим интеграционным процессам в пространстве окружного центра (Прасолов, 2016: 57).

Наблюдения К. Хетагурова перекликаются со свидетельствами его современника К. Чхеидзе о том, что «местом разложения кабардинской молодежи являются города минераловодской группы (Пятигорск, Кисловодск, Георгиевск – О.А. Жанситов, Ю.В. Бунькова) и курорты» (Чхеидзе, 2008: 85), и обращают внимание ещё на один аспект взаимодействия коренного населения с городской средой. Город с его инфраструктурой развлечений, не доступной в сельской местности, притягивает отдельные группы горцев как место проведения досуга, которое, в силу его удалённости от традиционной социокультурной среды, позволяет отступать от разделяемых ею поведенческих практик. Периодически в поле общественного внимания оказываются нелицеприятные инциденты, связанные с пребыванием кабардинцев в Нальчике. Один из наиболее резонансных произошёл в июле 1913 г. во время проведения в слободском клубе маскарадного вечера. Часть его участников, среди которых были замечены и несколько жителей из кабардинских селений, в компании «слободских девок предосудительного поведения» устроили «кутеж», продолжавшийся до рассвета (УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 9).

В этой ситуации консервативная и подавляюще доминирующая часть кабардинского социума начинает ощущать признаки деструктивного воздействия урбанизированной среды на нравственный климат и «традиционные ценности», что служит сдерживающим фактором её стационарного освоения. Не случайно в октябре 1909 г. представители кабардинской интеллигенции направили наместнику на Кавказе И. Воронцову-Дашкову ходатайство об открытии при Нальчикском реальном училище пансиона (общежития). Своё прошение они мотивировали тем, что родители учеников опасаются устраивать их на частных квартирах, поскольку «бытовая сторона жизни слободчан... не совсем благоприятна в воспитательном отношении, ибо в Нальчике живет, главным образом простой народ, а интеллигентных русских семейств очень мало...» (УЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 48).

5. Заключение

Процессы урбанизации в кабардинском обществе начались в условиях российской военной колонизации Северо-Кавказского региона. Это обстоятельство в то же время выступало и сдерживающим фактором. Контакты коренного населения с урбанизирующимся пространством Нальчикского укрепления, развивавшегося как русская этническая локация в новой имперской окраине и ставшего административным центром Кабарды, были незначительны и регламентировались военным командованием. Также действовал особый режим пропуска кабардинцев в расположенные на периферии их этнической территории русские города.

После отмены ограничений военного времени и возведения крепости Нальчик в статус слободы взаимодействие с ней вступило в более активную фазу, что, однако, не привело к образованию здесь сколько-нибудь заметной стационарной кабардинской общины. Причины этого заключались, во-первых, в проблематичности сосуществования в границах слободы, разделённых этнокультурными барьерами и конфликтом идентичностей сообществ, во-вторых, в неготовности аграрного кабардинского социума к «мгновенному», гармоничному встраиванию в урбанистическую модель бытия.

В Нальчике к началу XX в. укоренилось незначительное число кабардинцев. Это были, по большей части, представители привилегированных сословий, кооптирующиеся российской властью в административные и военные структуры, владевшие русским языком, образованные и, соответственно, не испытывавшие особых трудностей интеграции в инокультурном пространстве слободы.

Литература

Административно-территориальные..., 2000 – Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность: сборник документов. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2000. 730 с.

- Айларова, 2009 – Айларова С.А. Об одном урбанистическом проекте Ф.А. Бековича-Черкасского // *Известия СОИГСИ*. 2009. Вып. 3 (42). С. 99-106.
- Бейтуганов, 2007 – Бейтуганов С.Л. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 785 с.
- Гаунова, 2023 – Гаунова Л.Р. Слобода Нальчик как образовательный центр Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. / *Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию г. Нальчика): материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 частях* / отв. ред. В.М. Грусман. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2023. Ч. 1. 270 с.
- Дадаев, 2017 – Дадаев Ю.У. Роль Российской империи в возникновении и развитии городов Северного Кавказа / *Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа. Сборник материалов Всероссийского историко-этнографического форума, посвященного 200-летию основания г. Грозного*. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. 313 с.
- Далгат, 1991 – Далгат Б.К. Слобода Нальчик (Отрывок из дневника туриста) // *Живая старина (Журнал по проблемам краеведения КБАССР)*. 1991. № 1. С. 146-150.
- Дзагов, 2014 – Дзагов Р.Н. Традиции хозяйственно-экономического взаимодействия полиэтничного населения Нальчика / *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 234 с.
- Жанситов, 2016 – Жанситов О.А. Эволюция Нальчикского укрепления: опыт освоения колонизированного пространства // *Вестник ИГИ КБНЦ РАН*. 2016. № 4 (31). С. 38-44.
- Из документальной истории..., 2000 – Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.
- Канукова, Гутиева, 2013 – Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации // *Известия СОИГСИ*. 2013. № 10 (49). С. 71-82.
- Клычников, Лазарян, 2014 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Города как пространство социокультурной адаптации автохтонного населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 234 с.
- Коста, 2009 – Коста. Произведения. Владикавказ: Ир, 2009. 622 с.
- Кумыков, 2002 – Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.
- Маловичко, Булыгина, 2003 – Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // *Новая локальная история*. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 262 с.
- Охрименко, 1989 – Охрименко А.М. Юность моего поколения. Нальчик: Эльбрус, 1989. 92 с.
- Пеннер, 1993 – Пеннер В.Я., Пеннер Н.Я. Нальчик глазами современников. Нальчик: Эль-Фа, 1993. 142 с.
- Плотников, 2017 – Плотников А.С. Ситуационный подход и методология социально-гуманитарного познания // *Ценности и смыслы*. 2017. № 1 (47). С. 100-111.
- Прасолов, 2014 – Прасолов Д.Н. Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе / *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 234 с.
- Прасолов, 2016 – Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 3 (52). С. 52–61.
- Прозрителев, 2011 – Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе // *Опальные: Русские писатели открывают Кавказ*. Антология в 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 3. 1104 с.
- Пятигорск, 1985 – Пятигорск в исторических документах. 1803-1917. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985. 352 с.
- Русские авторы, 2001 – Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х. М. Думанов. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. 323 с.
- Терские ведомости, 1886 – *Терские ведомости* (газета). 1886. № 2. С. 3.
- Территория..., 1992 – Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Нальчик: Издательство Нарт, 1992. 271 с.
- Туаева, 2013 – Туаева Б.В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразования второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А, 2013. 426 с.
- Тхамокова, 2000 – Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 237 с.

Тютюнина, 2014 – Тютюнина Е.С. Кавказ: Живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. 441 с.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

УЦГА РСО-А – Управление Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания.

Чхеидзе, 2008 – Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / сост., предисл. и коммент. О. А. Жанситов. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. 119 с.

References

Administrativno-territorial'nye..., 2000 – Administrativno-territorial'nye preobrazovaniia v Kabardino-Balkarii. Istoriia i sovremennost': sbornik dokumentov [Administrative-territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity: collection of documents]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2000. 730 p. [in Russian]

Ailarova, 2009 – Ailarova, S.A. (2009). Ob odnom urbanisticheskom proekte F.A. Bekovicha-Cherkasskogo [On one urban project of F.A. Bekovich-Cherkassky]. *Izvestiia SOIGSI*. 3(42): 99-106. [in Russian]

Beituganov, 2007 – Beituganov, S.L. (2007), Kabarda: istoriia i familii [Kabarda: history and family names]. Nalchik: Elbrus, 785 p. [in Russian]

Chkheidze, 2008 – Chkheidze, K.A. (2008). General Zaur-bek Dautokov-Serebriakov. Grazhdanskaia voina v Kabarde [General Zaur-Bek Dautokov-Serebriakov. Civil War in Kabarda]. Sost., predisl. i komment. O. A. Zhansitov. Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 119 p. [in Russian]

Dadaev, 2017 – Dadaev, Yu.U. (2017). Rol' Rossiiskoi imperii v vzniknovenii i razvitiu gorodov Severnogo Kavkaza [The Role of the Russian Empire in the emergence and development of cities in the North Caucasus]. *Rol' severokavkazskikh gorodov v sotsial'no-ekonomicheskom i istoriko-kul'turnom razvitiu Kavkaza. Sbornik materialov Vserossiiskogo istoriko-etnograficheskogo foruma, posvyashchennogo 200-letiyu osnovaniya g. Groznogo*. Grozny: Izd-vo AN ChR, 313 p. [in Russian]

Dalgat, 1991 – Dalgat, B.K. (1991). Sloboda Nal'chik (Otryvok iz dnevnika turista) [Nalchik Settlement (Excerpt from a Tourist's Diary)]. *Zhivaia starina. Zhurnal po problemam kraevedeniia KBA SSR*. 1: 146-150. [in Russian]

Dzagov, 2014 – Dzagov, R.N. (2014). Traditsii khoziaistvenno-ekonomicheskogo vzaimodeistviia polietnichnogo naseleniia Nal'chika [Traditions of Economic Interaction Among the Multiethnic Population of Nalchik]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza*. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 234 p. [in Russian]

Gaunova, 2023 – Gaunova, L.R. (2023). Sloboda Nal'chik kak obrazovatel'nyi tsentr Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Nalchik settlement as an educational center of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th – early 20th Centuries]. *Severokavkazskii gorod kak prostranstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia i mezhkul'turnogo dialoga (k 300-letiiu g. Nal'chika): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 28–30 sentiabria 2023 g.): v 2 chastyakh*. Otv. red. V.M. Grusman. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2023. Ch. 1. 270 p. [in Russian]

Iz dokumental'noi..., 2000 – Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX vv.). Sost. Kh.M. Dumanov. Nal'chik: El'brus, 2000. 480 p. [in Russian]

Kanukova, Gutieva, 2013 – Kanukova, Z.V., Gutieva, E.Sh. (2013). Gorodskoe prostranstvo Severnogo Kavkaza: traditsionnaia kul'tura v usloviakh urbanizatsii [Urban Space of the North Caucasus: Traditional Culture in the Context of Urbanization]. *Izvestiia SOIGSI*. 10(49): 71-82. [in Russian]

Klychnikov, Lazarian, 2014 – Klychnikov, Yu.Yu., Lazarian, S.S. (2014). Goroda kak prostranstvo sotsiokul'turnoi adaptatsii avtokhtonnoho naseleniia Severnogo Kavkaza v protsesse osushchestvleniia rossiiskogo modernizatsionnogo proekta [Cities as a Space of Sociocultural Adaptation of the Indigenous Population of the North Caucasus during the Russian Modernization Project]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 234 p. [in Russian]

Kosta, 2009 – Kosta (2009). Proizvedeniia [Works]. Vladikavkaz: Ir, 622 p. [in Russian]

Kumykov, 2002 – Kumykov, T.Kh. (2002). Obshchestvennaia mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX v. [Social thought and enlightenment of the Adyghe and Balkar-Karachai Peoples in the 19th – early 20th centuries]. Nalchik: Elbrus, 446 p. [in Russian]

Malovichko, Bulygina, 2003 – Malovichko, S.I., Bulygina, T.A. (2003). Sovremennaiia istoricheskaia nauka i izuchenie lokal'noi istorii [Modern Historical Science and the Study of Local History]. *Novaia lokal'naia istoriia*. Stavropol: SGU Publishing, 262 p. [in Russian]

- [Okhrimenko, 1989](#) — *Okhrimenko, A.M.* (1989). Iunost' moego pokoleniia [The youth of my generation]. Nalchik: Elbrus, 92 p. [in Russian]
- [Penner, 1993](#) — *Penner, V.Ia., Penner, N.Ia.* (1993). Nal'chik glazami sovremennikov [Nalchik Through the Eyes of Contemporaries]. Nalchik: El-Fa, 142 p. [in Russian]
- [Piatigorsk..., 1985](#) — *Piatigorsk v istoricheskikh dokumentakh. 1803–1917* [Pyatigorsk in Historical Documents. 1803–1917]. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 352 p. [in Russian]
- [Plotnikov, 2017](#) — *Plotnikov, A.S.* (2017). Situatsionnyi podkhod i metodologiiia sotsial'no-gumanitarnogo poznaniia [Situational Approach and Methodology of Socio-Humanitarian Knowledge]. *Tsenosti i smysly*. 1(47): 100–111. [in Russian]
- [Prasolov, 2014](#) — *Prasolov, D.N.* (2014). Gorod kak faktor etnokul'turnykh transformatsii v traditsionnom kabardinskom obshchestve [The City as a Factor of Ethnocultural Transformations in Traditional Kabardian Society]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza. Materialy X Kongressa etnografov i antropologov Rossii*. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 234 p. [in Russian]
- [Prasolov, 2016](#) — *Prasolov, D.N.* (2016). Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v. [Nalchik and Kabardian society in the 19th – early 20th centuries]. *Uralskii istoricheskii vestnik*. 3(52): 52–61. [in Russian]
- [Prozritelev, 2011](#) — *Prozritelev, G.N.* (2011). Pervye russkie poseleniia na Severnom Kavkaze [The First Russian Settlements in the North Caucasus]. Opal'nye: Russkie pisateli otkryvaiut Kavkaz. Antologiiia v 3 t. Stavropol': SGU Press. T. 3. 1104 p. [in Russian]
- [Russkie avtory..., 2001](#) — *Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Russian Authors of the 19th century on the peoples of Central and Northwestern Caucasus]. Sost. Kh. M. Dumanov. Nal'chik: El'-Fa, 2001. T. 1. 323 p. [in Russian]
- [Territoriia..., 1992](#) — *Territoriia i rasselenie kabardintsev i balkartsev v XVIII – nachale XX vekov* [Territory and settlement of the Kabardians and Balkars in the 18th – early 20th centuries]. Nalchik: Nart, 1992. 271 p. [in Russian]
- [Terskie vedomosti](#) — *Terskie vedomosti* (gazeta). 1886. 2: 3. [in Russian]
- [Tiutiunina, 2014](#) — *Tiutiunina, E.S.* (2014). Kavkaz: Zhivoi otgolosok proshlogo. Zhizn' i tvorchestvo pisatel'ia Evgeniia Baranova [The Caucasus: A Living echo of the past. Life and work of the writer Evgeny Baranov]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»). 441 p. [in Russian]
- [Tkhamokova, 2000](#) — *Tkhamokova, I.Kh.* (2000). Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii [Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: El-Fa, 237 p. [in Russian]
- [Tuaeva, 2013](#) — *Tuaeva, B.V.* (2013). Gorod i gorodskie sosloviia Severnogo Kavkaza v usloviakh rossiiskikh preobrazovanií vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [City and urban estates of the North Caucasus under Russian reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh issledovanií Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN i Pravitel'stva RSO-A, 426 p. [in Russian]
- [UTsDNI AS KBR](#) — *Upravlenie Tsentra Dokumentatsii Noveishei Istorii Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Center for Documentation of Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic Archival Service]. [in Russian]
- [UTsGA AS KBR](#) — *Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki* [Central State Archive Administration of the Kabardino-Balkarian Republic Archival Service]. [in Russian]
- [UTsGA RSO-A](#) — *Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Respubliki Severo-Osetiia – Alaniia* [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania]. [in Russian]
- [Zhansitov, 2016](#) — *Zhansitov, O.A.* (2016). Evoliutsiia Nal'chikskogo ukrepleniia: opyt osvoeniia kolonizirovannogo prostranstva [Evolution of Nalchik fortress: an experience of developing a colonized space]. *Vestnik IGI KBNTS RAN*. 4(31): 38–44. [in Russian]

Кабардинский социум в XIX – начале XX в.: проблемы освоения урбанизированного пространства

Осман Асланович Жанситов ^a, Юлия Владимировна Бунькова ^{a, *}

^a Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, Нальчик, Российская Федерация

^b Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: y.bunkova@inbox.ru (Ю.В. Бунькова)

Аннотация. В представленной работе исследуются процессы урбанизации в Кабарде в контексте российской военной колонизации и включения региона в имперское административно-правовое и культурное поле. Внимание акцентируется на трудностях освоения коренным населением урбанизирующегося пространства русской крепости/слободы – Нальчика.

Рассматриваются конкурирующие сценарии интеграции кабардинцев посредством приобщения к городской культуре: от формирования этнических горских кварталов в русской урбанизированной среде до основания полноценного «кабардинского» города в окрестностях Нальчикской крепости. Подчёркивается, что в условиях военного времени и необходимости колонизации новой имперской окраины российские власти делают ставку на развитие Нальчикского укрепления как русской этнической локалии. В этой ситуации контакты кабардинцев с Нальчиком, ставшим административным центром Кабарды, ограничивались и регламентировались военным командованием и поэтому были незначительными. Здесь с кратковременными служебными визитами находились представители лояльной горской элиты и проводились ежегодные Народные собрания. После преобразования в 1862 г. Нальчикского укрепления в слободу российские власти способствуют её развитию как хозяйственного, культурного и образовательного центра коренного населения. Тем не менее, это не привело к формированию в Нальчике стационарной кабардинской общины. Раскрываются факторы, препятствовавшие этому процессу. Отмечается, что этнокультурные различия русского населения и горцев, а также память о событиях травматичного прошлого на данном этапе делали проблематичным их гармоничное сосуществование в пространстве слободы. Показано, что сельская поселенческая культура и аграрный хозяйственный уклад кабардинцев выступали сдерживающим фактором их адаптации в непривычной урбанистической среде.

Ключевые слова: крепость Нальчик, русская слобода, кабардинцы, урбанизация, этнокультурные трансформации, городская среда.